

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Издание «Процесса» в новом переводе дополнено черновиками глав, отброшенных душеприказчиком Кафки Максом Бродом, а также фрагментами, которые вычеркнул сам автор. Публикация одного из важнейших романов мировой литературы XX века именно в таком виде позволяет глубже раскрыть авторский замысел и лучше понять это многоплановое, неоднозначное, но актуальное по сей день произведение. Впервые опубликованный в 1925 году, спустя 10 лет после написания и через год после смерти Кафки, «Процесс» создавался, когда в жизни писателя происходили радикальные перемены, а Европу ждала кровопролитная Первая мировая война, переломившая судьбу континента. Мы переиздаем роман в надежде на то, что знакомство с ним предостережет новое поколение читателей от бездумного принятия действительности, которое может оказаться в буквальном смысле опасным для жизни.

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

«Процесс» Кафки известен большинству русскоязычных читателей в блестящем переводе Риты Райт-Ковалевой. Браться за перевод после нее было бы самонадеянно и, пожалуй, нелепо — если бы речь не шла именно о «Процессе». Моя выдающаяся предшественница имела дело с редакцией Макса Брода, друга и душеприказчика Франца Кафки, которому писатель вообще-то наказал сжечь все незавершенные рукописи. Брод ослушался; судить его за это не повернется язык, но для того, чтобы издать «Процесс», ему пришлось, по сути, придумать недописанному роману структуру (Кафка расположил главы не по порядку и не нумеровал их) и выбросить большие куски текста, показавшиеся ему наименее законченными.

Иными словами, Брод по праву своей дружбы с автором принял, с одной стороны, важное решение сохранить для потомков великий роман, а с другой — еще ряд решений,

не всегда оправданных именно с точки зрения сохранности текста «Процесса».

Специалисты по творчеству Кафки выделяются въедливостью даже среди литературоведов. Одно из материальных свидетельств этой въедливости — издание «Процесса», вышедшее в 1997 году (почти через восемь лет после смерти Райт-Ковалевой) и подготовленное Роландом Ройсом и Петером Штенгле. Коробка с шестнадцатью не сшитыми между собой тетрадями, не считая вступительной — в каждой по главе, — весит больше четырех килограммов. В тетрадях — факсимиле черновиков и их расшифровка.

Немалая часть сохранившегося в рукописи текста была недоступна Райт-Ковалевой. Я перевел не только главы, отброшенные Бродом как недостаточно законченные, но и те части текста, которые Кафка зачеркнул и ничем не заменил. Они особым образом выделены в книге, которую вы держите в руках (вновь включенные главы переводились и в более ранних изданиях, но публиковались как приложения к основному тексту). Раз уж мы вслед за Бродом исходим из того, что рукописи не горят, то неподвластны пламени и зачеркнутые места — тем более что Кафка вымарывал их не слишком старательно и, возможно, вернул бы в текст, если бы ему довелось завершить работу над «Процессом».

Переводчики и исследователи, работавшие над «Процессом» в последние десятилетия, часто переставляли главы местами. Порядок глав в моем переводе — попытка восстановить хронологию событий: как прожил свой последний год банковский управляющий Йозеф К. Я следовал указаниям на времена года и логике сюжета. Из-за появления дополнительных глав — в самом тексте, а не в виде приложения к нему — расстановка смысловых акцентов несколько сместилась по сравнению с каноническим переводом. Например, без предпоследней главы «Здание», на мой взгляд, «Процесс» становится другим романом.

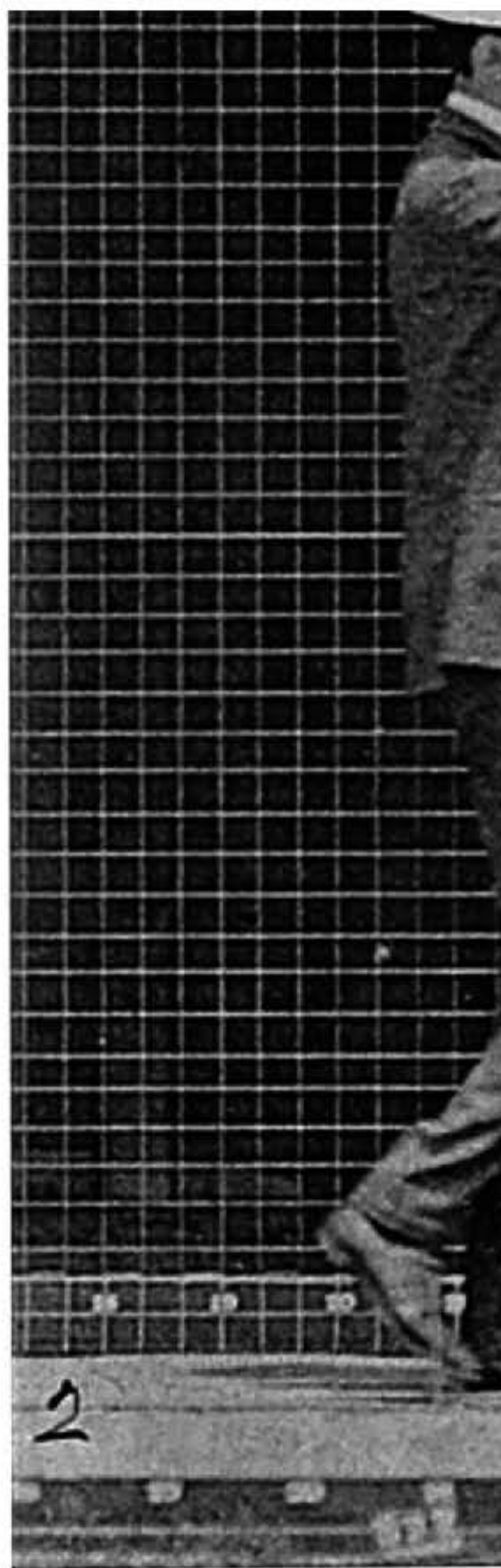
Важно понимать, впрочем, что мой, вероятно, упрощенный подход к структуре книги — не единственно возможный. Попробуйте рассказать себе историю Йозефа К. в разной последовательности; оно того стоит — ведь для русскоязычного читателя 20-х годов XXI века эта история актуальнее новостей. Злоключения Йозефа К. — не то, от чего стоит зарекаться.

Мне же, как иммигранту в немецкоязычном мире, близок не только сюжет, но и негладкий, иногда слишком формальный, чуть застенчивый немецкий гениального пражского еврея. Надеюсь, что русский текст адекватно передает мои ощущения.

А в самом конце книги вас ждет сюрприз — описка Кафки, от которой у меня на глаза навернулись слезы. Сумеете удержаться — значит, что-то у меня (а заодно и у блестящего редактора этой книги Любови Макариной) не вышло.

Л. БЕРШИДСКИЙ
Берлин, 2021 г.

АРЕСТ.

РАЗГОВОР С Г-ЖОЙ ГРУБАХ,
ПОТОМ С Г-ЖОЙ БЮРСТНЕР

Видимо, кто-то оклеветал Йозефа К., потому что, не сделав вроде бы ничего дурного, однажды утром он попал под арест.

Кухарка его квартирной хозяйки, г-жи Грубах, приносившая ему завтрак ежедневно около восьми, на этот раз не пришла. Такого до сих пор не бывало. К. подождал еще немного, посмотрел, не поднимая головы с подушки, в окно на жившую напротив старуху, которая сегодня наблюдала за ним с совершенно не свойственным ей любопытством, затем, чувствуя одновременно недоумение и пустоту в желудке, позвонил в колокольчик.

В дверь тут же постучали, и вошел мужчина, которого К. в этой квартире еще ни разу не видел. Сухощавый, но крепко сбитый, он был одет в плотно прилегающий, подпоясанный ремнем костюм на манер дорожного, со множеством

карманов, пряжек и пуговиц; хотя было непонятно, какая от всего этого польза, платье вошедшего выглядело чрезвычайно практичным.

— Вы кто? — спросил К., приподнимаясь в постели.

Вошедший, однако, уклонился от ответа, словно его появление следовало принять как должное, и сказал только:

— Звонили?

— Мне Анна должна принести завтрак, — сказал К. и попытался собраться с мыслями, чтобы определить, кто, собственно, таков этот человек. Но тот не дал себя долго разглядывать, а повернулся к двери и, приоткрыв ее, сказал кому-то, явно стоявшему прямо у входа:

— Хочет, чтобы Анна принесла ему завтрак.

В соседней комнате тихонько засмеялись — непонятно, один голос или несколько. Хотя этот смех вряд ли содержал для чужака какую-либо доселе неизвестную информацию, он словно бы доложил К. об ответе:

— Это невозможно.

— Вот еще новости, — сказал К., соскочил с кровати и проворно натянул штаны. — Ну-ка, посмотрим, кто там в соседней комнате и как г-жа Грубах объяснит мне подобное вторжение.

Ему тут же пришло в голову, что не обязательно было говорить это вслух и что он тем самым как бы признал право чужака надзирать за ним, но сейчас это показалось ему неважным. Незнакомец, однако, так и воспринял его слова, потому что сказал:

— Может, лучше вам остаться здесь?

— И не останусь, и слушать вас не буду, пока не представитесь.

— Я же как лучше хотел, — сказал чужак и без возражений открыл дверь. В соседней комнате, куда К. вошел медленнее, чем собирался, все было на первый взгляд почти так же, как вчера вечером. В гостиной г-жи Грубах, забитой мебелью, салфетками, фарфором и фотографиями,

казалось, освободилось немного места, но точно сказать было невозможно. Главное изменение состояло в присутствии мужчины, сидевшего у открытого окна с книгой, от которой он теперь оторвался.

— Вам следовало оставаться в вашей комнате. Вам что, Франц не сказал?

— Так что вам от меня нужно? — спросил К., переводя взгляд с нового знакомого на Франца, все еще стоявшего у двери, и обратно.

В открытое окно К. снова увидел соседку, со старушечьим любопытством перебравшуюся к другому окну, прямо напротив, чтобы ничего не пропустить.

— Мне надо к г-же Грубах, — сказал К. с таким движением, будто хотел вырваться из рук обоих мужчин, хоть их и не было рядом, и собрался идти дальше.

— Нет, — сказал человек у окна, швырнул книгу на столик и встал. — Уходить вам нельзя, вы же все-таки арестованы.

— Похоже на то, — сказал К., *улыбаясь. Он не чувствовал тревоги, скорее облегчение, что теперь невероятное сказано, отчего невозможность ситуации стала лишь очевиднее.* — За что же?

— Сообщать вам это у нас приказа нет. Идите в свою комнату и ожидайте. Производство по делу только началось, в свое время все узнаете. Я и так выхожу за пределы полномочий, разговаривая с вами этак по-свойски. Надеюсь, никто не услышит, кроме Франца, а он и сам ведет себя с вами доброжелательно против всех инструкций. Если вам и дальше так будет везти, как при назначении надзирателей, волноваться вам не о чем.

К. хотел было сесть, но заметил, что во всей комнате для этого годится только кресло у окна.

— Еще увидите, как он прав, — сказал Франц, подступая ближе к К. одновременно с другим визитером. Тот, все похлопывая его по плечу, особенно нависал над ним. Вдвоем

они ощупали ночную рубашку К., говоря, что теперь ему придется носить рубаху куда похуже, но что эту, как и прочее его белье, они сохранят и при благоприятном исходе дела вернут.

— Лучше отдайте вещи нам, чем на склад, — говорили они. — На складе вечно случаются недостачи, к тому же от туда все регулярно распродают, неважно, завершено дело или нет. А ведь такие процессы часто затягиваются, особенно в последнее время! Вы бы, конечно, получили на складе компенсацию, но, во-первых, она сама по себе мизерная, потому что распродают не по самой высокой цене, а за взятки; во-вторых, по нашему опыту, сумма с годами тает, переходя из рук в руки.

К. едва слушал эти разговоры: право распоряжения имуществом, вроде бы пока у него не отобраным, он ценил невысоко, важнее для него было прояснить ситуацию; в присутствии этих людей, однако, он не мог даже думать. Второй надзиратель — ну да, никем, кроме надзирателей, они быть не могли — все время пихал его, как бы по-дружески, пузом, но К., поднимая глаза на его худое, не подходящее к жирному телу лицо со свороченным на сторону носом, видел, как тот перемигивается с другим надзирателем.

Что же это за люди? О чем они вообще? В каком учреждении служат? В конце концов, К. живет в правовом государстве в мирное время, закон есть закон и кто осмелился напасть на него в собственном доме?

Он всегда старался не принимать ничего слишком всерьез, в худшее верить, только если и правда станет худо, и не тревожиться о будущем, чем бы оно ему ни грозило. Но сейчас такой подход казался ему неправильным. Да, все происходящее можно было принять за шутку — сегодня ему исполнилось тридцать лет, вполне вероятно, что коллеги по банку решили над ним так грубо подшутить и ему достаточно расхохотаться в лицо надзирателям, чтобы они тоже засмеялись. Может, это просто посыльные с соседнего угла, даже сходство какое-то есть, — но К. с самого

первого взгляда на надзирателя Франца решил не поступаться преимуществом, которым, возможно, обладал перед этими людьми. Обвинений в отсутствии чувства юмора К. особо не опасался, зато помнил — хоть и не имел обыкновения учиться на собственных ошибках — несколько случаев, в целом незначительных, когда он не проявил, в отличие от более сознательных друзей, достаточного чутья на последствия, повел себя неосторожно и в итоге поплатился. С него довольно: уж в этот раз, если с ним разыгрывают комедию, он подыграет.

Как только его отпустили, он произнес «Позвольте» и проскользнул между надзирателями в свою комнату.

— Вроде разумный человек, — услышал он за спиной.

В комнате он торопливо выдернул ящики из письменного стола. В них все было разложено в образцовом порядке, но как раз удостоверяющие личность бумаги, которые он сейчас искал, не попадались ему на глаза. Наконец он обнаружил велосипедные права и хотел было идти с ними к надзирателям, но документ показался ему недостаточно внушительным и он продолжал искать, пока не наткнулся на свидетельство о рождении. Едва он вернулся в соседнюю комнату, дверь напротив приоткрылась и в комнату заглянула г-жа Грубах, но лишь на мгновение. Завидев К., она, очевидно смутившись, извинилась и исчезла, с подчеркнутой осторожностью закрыв за собой дверь.

— Входите же, — только и успел сказать К.

Он так и остался стоять со своими бумагами посреди комнаты, уставившись на дверь, которую больше никто не пытался отворить. Лишь окрики надзирателей вывели его из оцепенения. Те сидели за столиком у открытого окна и, как теперь заметил К., уплетали завтрак.

— Почему она не вошла? — спросил он.

— Не положено, — сказал высокий охранник. — Вы же арестованы.